

Мой отец Иван Арбузов

Гвардии рядовой командовал взводом до конца войны

Рассказывает
Михаил Иванович Арбузов:
Внук раскулаченного

Мой отец Арбузов Иван Петрович родился в 1908 году в батюжском деревне Андреевка Юмагузинского, ныне Кутарчинского, района в крестьянской семье. В 1935 году моего деда, с которым мы жили вместе, раскулачили: отобрали дом и скотину. Деда сослали, а остальных членов семьи выселили.

В том же году моего отца призвали служить в тыловое ополчение как сына кулака. Отец служил в Белоруссии три года, потом нигде не мог устроиться из-за того, что в военном билете была указана статья, означающая «сын кулака». И только в 1935 году он еле устроился на постоянную работу. А когда началась война, его несколько раз призывали по повестке и отправляли обратно: в начале войны так, как он, не брали. Лишь в октябре 1942 года его направили учиться в полковую школу Алкино под Уфой.

Учеба в полковой школе проходила в жестких условиях, да к тому же с плохим питанием. Люди не выдерживали и просили, чтобы их быстрее отправили на фронт. По окончании школы отцу присвоили звание сержанта, но по дороге на фронт он уничтожил документы и сорвал знаки отличия, чтобы в случае каких-либо происшествий ему не напомнили о прошлом. Когда прибыл на фронт, ему поручили командовать взводом, в функции которого входило: разведка местности, подготовка данных для артиллерийской стрельбы, установление связи, корректировка огня и др.

Почему рядовому бойцу поручили руководить взводом? В то время на фронте не хватало командного состава, а отец обладал интуицией, хорошо ориентировался на местности и пользовался авторитетом среди бойцов. Но командование он не устроивал, и командовать взводом поручили вновь прибывшему из училища молодому лейтенанту. При выполнении одного задания взвод по его вине сбился с маршрута и наткнулся на немецкие автоматчики. Оказывавшее сопротивление в связи с превосходными силами противника было бессмысленно, да и выполнение задания было бы

сорвано. Решили отступить. Немецкие автоматчики обнаружили их и открыли огонь. Спасло бойцов стадо коров, под прикрытием которого они вышли к лесу без потерь. После этого лейтенант был отстранен от командования взводом, а отцу сказали: «Ты, Арбузов, как командовал, так и продолжай командовать». Так до конца войны гвардии рядовой командовал взводом.

Из воспоминаний
Ивана Петровича:
Через Днепр

— Чтобы сбить с толку противника, форсирование реки осуществлялось малыми силами на плотах, лодках и подручных плавсредствах. А в то время в замаскированном месте соорудалась переправа для основных сил.

Нашу переправу обнаружили противником, самолеты разбили плоты с боевым обеспечением, провиантом и фуражом для лошадей. На противоположном берегу нас обстреляли, и мы, израсходовав боекомплект, были вынуждены замаскироваться в ближайшем лесу. Немцы нас окружили и предлагали сдаться.

Отбиваться приходилось только гранатами, уцелевшими в нескольких ящиках после переправы. Мы находились в окружении 14 суток без пищи, воды и боеприпасов. Все лужицы воды были вычерпаны, чтобы напоить коней. А нам приходилось питаться мясом убитых коней. В целях маскировки командиры не разрешили разводить костры: только заметят дымок, распыливали кусты и котелки с кониной. Мы хватали с земли недоеденную конину и ели. Немного спасал от голода картофель, который ночами выкапывали с необработанных полей. А немцы продолжали агитировать нас сдаться. Находились смельчаки, которые ночью подползали и камнями сбивали громкоговорители.

За форсирование Днепра командование полка представило меня к высшей награде — Герой Советского Союза, но из-за моего прошлого высшее командование отменило представление.

Контузия
— Наш полк вооружен легкой артиллерией на конной тяге. Для нанесения ошутимого удара выбирали такие места, где противник не ожидал нашего

появления. По болотам соорудили гати — настелили из деревьев и хвороста, и по ним переправляли артиллерию, коней, пехоту. Так мы оказывались в тылу противника и наносили ему ошутимые потери. За такую дерзость немцы нас прозвали «кряковской бандой». Командовал корпусом, в состав которого входил наш полк, генерал-лейтенант Крюков.

Однажды для сооружения гати понадобился хворост. Мы вдвоем с ездовым перевозили его с мест заготовки на повозке. Двигаясь по дороге, где ранее прошло немало техники, лошадь наступила на взрыватель противотанковой мины. Всю повозку разнесло. Я остался в живых только потому, что сидел сзади на хворосте, получил сильную контузию, после чего долго не мог говорить и ничего не слышал. После лечения и реабилитации в госпитале я снова вернулся в строй, хотя еще долго из ушей сочилась кровь.

Гибель комбата

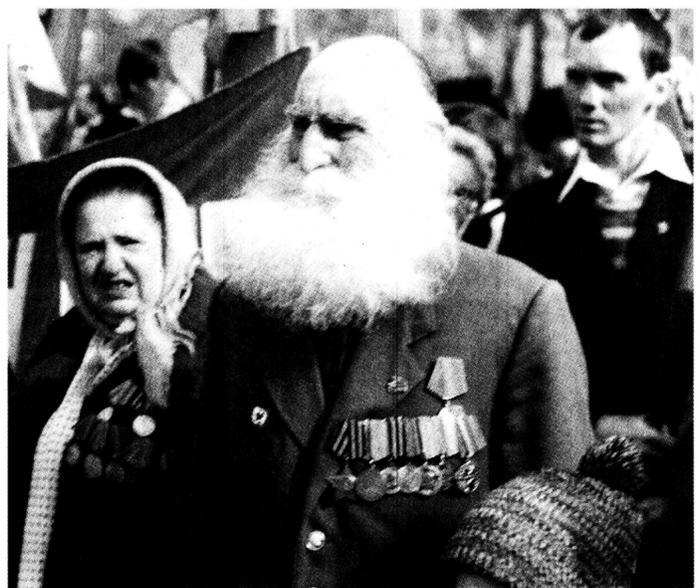
— Чтобы лично ознакомиться с расположением неприятельских войск, комбат взял меня с собой в разведку. Когда мы достигли опасной зоны, я стал предупреждать его об этом, но ему очень хотелось получить как можно больше сведений о противнике. Мы продвигались все дальше. Немцы нас все же обнаружили и открыли огонь. Чтобы уйти от обстрела, мы забежали за легкое, сбитое из досок сооружение. Это как раз и послужило хорошей мишенью для обстрела. При разрыве снаряда осколок пробил доску и врезался в грудь комбата. Смерть наступила мгновенно...

Очень жалко было терять молодых необстрелянных парней. Особенно быстро они выжили из строя при артобстрелах и бомбежках. В таких случаях самое лучшее — залечь в воронку разрыва снаряда или бомбы: попадание в одно и то же место маловероятно. А они, наоборот, стараются убежать от места взрыва и падают, сраженные осколками.

Говорят дети

Ивана Петровича:

Военная цензура
— Все письма на фронт и с фронта проверялись военной цензурой. Какое-то время отец перестал от нас получать письма и загрузил. Командование заметило его состояние. При беседе выяснилось, что отец

Иван Петрович при всех регалиях на демонстрации.

долго время не получает письма из дома. При проверке выяснилось, что письма ему не вручали из-за того, что в них сообщалось о тяжелом положении детей. Когда ему вручили целую пачку писем, в них были вычеркнуты некоторые строки. Командование полка сделало запрос на место призыва отца, и нас посетила комиссия. Сестренке выдали хлебную карточку и денежное пособие 150 рублей в месяц. А булка хлеба в то время стоила 250-300 рублей.

Из воспоминаний
Ивана Петровича:

Расплата за мародерство

— Когда мы находились на территории Польши, произошел такой случай. Один из бойцов, любитель спиртного, по договоренности с местным жителем променял коня из своего подполка на бутылку самогона. А когда полк стал уходить, то он решил коня отобрать. Полк поднял шум и обратился к командованию. Состоялся военно-полевой суд, который принял суровое постановление — рас-

стрел. Как только ни просил осужденный о пощаде, готов был понести любое наказание, испилить свою жизнь собственной кровью. Когда поляк узнал, что боец подлежит смертной казни, тоже стал просить об отмене приговора. Он и не представлял себе, что дело примет такой оборот. Но приговор был беспощаден и приведен в исполнение перед строем полка.

Рассказывает
Михаил Иванович:

Победа

— Наступление на Берлин начали 16 апреля войска 1-го Белорусского фронта. Наш полк сделал несколько залпов по обороне противника и, обойдя Берлин с севера, отошел в составе 2-го гвардейского корпуса к Эльбе. Весь боевой путь моего отца до Москвы и до Эльбы проходил в составе 2-го гвардейского кавалерийского Пomerанского Краснознаменного ордена Суворова корпуса. Командир полка — гвардии подполковник Кратов, командир полка — Крюков, который в послевоенное время вместе со своей женой народной певицей Л. Руслановой был репрессирован

за связь с опальным в то время Г. Жуковым.

За отвагу и боевые заслуги в период с октября 1942 по май 1945 года мой батя награжден орденами Славы II степени и Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и юбилейными медалями, сфотографирован с оружием и знаменами полка, награжден грамотой Верховного Главнокомандующего Сталина. Ему объявлено три благодарности и направлено благодарственное письмо командующего 2-м гвардейским корпусом.

Каким был мой отец в мирной жизни? Веселый, любил шутить, знал и исполнял много песен, хорошо играл на гармошке — так называемой русской трылей. Сейчас такую гармонь только в музее можно встретить. Редкая праздничная компания обходилась без него.

Сейчас с его нами уже нет: он умер в мае 1990 года. Мы — дети, внуки, правнуки и теперь уже праправнуки, будем свято хранить добрую память о нашем родителе, и День Победы 9 Мая для нас всегда будет священным днем.

ПАМЯТЬ

Всего четыре часа...

Хочу рассказать о том, как началась война для меня и для моих сверстников, киевских пацанов.

21 июня 1941 года в полночь мы, мальчишки семи-восьми лет, сидим на крыше трехэтажного дома на Крещатике и смотрим в небо, где радугами сходятся прожектора. К войне, видимо, все-таки готовились, раз такие тревоги проводили регулярно.

Я смотрю на все это и говорю пацанам: «Эх, ребята, это просто учения, а вот если б настоящая война — вот было бы здорово!» Мы и не думали, что от настоящей войны нас отделяли всего четыре часа...

Мой отец, старший лейтенант пулеметной роты, 3 июля, в мой день рождения, когда мне исполнилось семь лет, пришел домой с двумя солдатами. Посадил нас с мамой в теплушку с одним чедоманом, а сам остался защищать Киев. Больше до конца войны мы его не видели.

Мы с мамой поехали на Урал, в Магнитогорск, где у мамы жили два родных брата — Петр Васильевич и Павел Васильевич Игнатовы. И хоть сами они жили в комнатухах в бараках, нас приютили.

Я, наверное, уже много слов написал, но не написал главное. Когда наш эшелон остановился на станции Выжгород, немцы разбомбили пути. Около нашего эшелона стоял санитарный поезд с ранеными. И немцы, конечно, видели красные кресты на крышах его вагонов, но пикировали и расстреливали их. Вот тогда я впервые услышал слово «фашисты»...

Юрий ГОЛОВ,

ветеран труда и калибровочного завода.

Дети крепости

Из эвакуации в родной Смоленск я вернулась после его освобождения от оккупантов. Прекрасный старинный город был почти полностью стерт с лица земли: оставшиеся дома можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Дом, в котором жила наша семья, тоже не уцелел. Маму, брата и меня, шестилетнюю, приютила сестра отца, которая жила с двумя детьми в старой городской крепости. Там было много семей, которые каким-то образом смогли оборудовать в стенах крепости крохотные каморки.

Пока стояли морозы, мы, дети крепости, почти все время проводили в каморках. Но вот пришла весна, стало пригревать солнышко, и мы стали «выползать» наружу, пускаясь в путешествие по развалинам города. Однажды увидели наших врагов — военнопленных немцев, которые разбирали завалы. Вид их был жалок: в потертых шинелях, в ботинках с обмотками. Работали они не спеша, молча. Потом им привезли обед, и мы глотали слюны, видя, как они едят горячую пищу с хлебом.

Какие чувства испытывала я, шестилетняя девочка? В эвакуации моя мама работала в школе и приносила домой газеты, которые много писали о зверствах фашистов. Но несмотря на это, ненависти почему-то не было, только простое детское любопытство: вот он, враг, хотя и поверженный.

В 1946 году мы переехали в Саратовскую область, на Волгу, в город Волск. Отец не было в живых: он умер в 1944 году в московском госпитале. Поселились мы у дяди — политрука, в одном из госпиталей. Там состоялась моя вторая встреча с врагом. Немцы были уже не оборванными и жалкими, а упитанными, довольными и уверенными в себе. Они с любопытством поглядывали на нас, детей служивших госпиталей. К тому времени я хорошо и много читала, в основном, книги о войне. Дума моя была полна ненависти к немцам за все их злодеяния и гордости за наш победивший враг народ. Я отводила глаза, когда немцы смотрели на меня или предлагали какую-нибудь самодельную игрушку.

Прошли годы. Я закончила технологический техникум и по направлению приехала в Германию. В аэропорту Берлина нам приветливо улыбаются молодые таможенники, понимая наш неважный немецкий язык. В комфортабельном автобусе с переводчиком и представителем фирмы едем по городу. За окном остатки Берлинской стены, Бранденбургские ворота, рейхстаг... Переводчик что-то говорит, но я не слышу. Сердце замирает. Перед глазами проплывают кадры военной и послевоенной хроники. Вижу купол рейхстага и водруженное Красное знамя, слышу ликующее «Ура!» Глаза застилают слезы. Я отворачиваюсь и снова, как много лет назад, не могу смотреть в глаза немцам.

Эльвира ВОРОНИНА.

Спасибо, брат!

ТыЛ-ФРОНТУ

В преддверии годовщины Победы на слуху обычно боевые, героические сюжеты. Сражения шли на фронте, но коснулись они и тыла, задело взрослых и детей. В том числе и тех, чья довоенная биография укладывалась в несколько слов: «Родился до войны». А ведь и они выигрывали сражения — хотя бы с самими собой. И мало кто знает, как дались им эти бои за выживание.

В сорок первом моему брату Степану Чусовитину исполнилось двенадцать, мне — шесть. В первые дни войны отца забрали на фронт, в сентябре он погиб под Смоленском. А в сорок пятом коллектив воторго мартеновского цеха комбината похоронил нашу мать. И с этого года началась отчет трудовая биография Степана с единственной записью о приеме на работу на ММК. Выдали спецодежду, парусиновые ботинки на деревянной подошве и — вперед, ремесленник. Лишь через полвека, уже с медалью ВДНХ за технические новации, правительственными наградами, ушел на пенсию ветеран труда и заслуженный пенсионер Магнитогорского металлургического Степан Михайлович Чусовитин.

До сорок седьмого мы вдвоем мотали сопки на кулак: кочегарили у печки в холодной комнате барака, а как выжечь искру, не имея спичек, — это отдельная история. Осваивали кухарское искусство: за смак была затруха, если повезет отovarить карточки в красноармейском магазине. Солюю служил камень-лизун, что остался в сарае от довоенного буренки. И много чего из голодного, оборванного, исцарапанного детства еще вспоминается.

Судьбу не выбирают, а война особенно обнажает суть человека, будь он прямо или косвенно втянут в эту бойню. За мужество, доброту, терпение и выдержку в лихое время я бесконечно признателен брату. Он, в свои пятнадцать лет, не позволил добрейшей семье сталевара усыновить меня, девятилетнего. Такое не забывается.

Есть поговорка: каждому воздается по заслугам. Сегодня мой старший брат в свои семьдесят пять по-прежнему не очерствел душой. Вся династия Чусовитиных желает Степану Михайловичу крепкого здоровья, несомненного оптимизма, удачи на овощных грядках. Опять весна на белом свете и не в последний бой идут старики. Враг — колорадский жук — будет разбит! Время, брат!

Николай ЧУСОВИТИН.

Мир — это высшее благо, какого люди желают в этой жизни.

СЕРВАНТЕС

Когда мужчины уходят на войну

СУДЬБЫ

— Не хотели меня брать на работу, — смеется Анна Михайловна, вспоминая далекие тридцатые годы. — Уж очень я маленькая и худая была. Мне шестнадцать исполнилось, а меня все за двенадцатилетнюю принимали.

Анна Михайловна Кочетова и сейчас не отличается кабаритными: невысокая, худощавая, но зато очень подвижная, шустрая. Глядя на нее, никак не скажешь, что этой улыбчивой, разговорчивой женщине перевалило за девяносто. А памяти ее могут позавидовать и молодые: так и сыплет именами, датами, техническими терминами. Как-никак почти всю свою жизнь проработала дежурным электромонтером на центральной электростанции комбината. Хотя начинала с того, что рыла под строящуюся ЦЭС котлованы.

При помощи родных и знакомых устроилась она землекопом, прибавив себе два года. Выдали ей рабочую обувь — лапти. А она, хот и выросла в бедности, оставшихся семи лет сиротой, но такую обувь ку и в руках не держала. Но на стройке лопати себя не оправдала, проткнули их насеквозь любые железки, острые шепки. И сменили их вскоре ботинки «на деревянном ходу»... Но вот поднялись стены, завезли оборудование. Начался монтаж пульты управления электростанции.

— Михаил Ефимович, — приставала Аня к инженеру, — поставьте

меня ученицей к монтажникам, не век же мне с лопатой ходить.

— А ты хоть грамоту знаешь? — Конечно, — смело отвечала Кочетова, имея в виду одоленный вечерами ликбез.

Направили ее в бригаду Александра Андреевича Иванченко. Да какой Андреевич — он в ту пору еще юнец был совсем, на год всего постарше Кочетовой. Но взялся учить Аню со всей серьезностью и вниманием. Уж столько лет прошло, а она до сих пор вспоминает своего наставника с теплотой и благодарностью.

Монтаж оборудования вели такими темпами, что по неделе не уходили из цеха. Там и отдыхали прямо за пультом, постелив фуфайки на пол. Зато и закончили в короткие сроки, обеспечив электроэнергией бурно растущие цехи комбината.

Но все же настоящей, подкрепленной специальной учебкой, профессии у Кочетовой не было. И ее направили на курсы мастеров. Походила-походила на них Анна, да и бросила. Тяжело оказалось после смены бежать на учебу, а потом добираться до общежития в поселке Среднеуральский. Думала, это личное ее дело, да не тут-то было. Вызвал к себе начальник электростанции:

— Ты что же курсы бросила? Тяжело? А без специальности тебе в жизни не легче будет, подумай об этом.

И отправились Анна снова на курсы. Хотя за плечами у нее не было по-настоящему и начальной

школы, учеба давалась легко: не пугали ее ни схемы, ни формулы.

— Я, видимо, от природы прирожденный математик, — размышляет Анна Михайловна. — Кто-то голову над заданием ломает, а у меня раз-раз и готово.

И действительно. Смотрию ее свидетельство об окончании курсов, удостоверяющее, что Анне Михайловне Кочетовой присваивается звание мастера социалистического труда по электротехнической специальности, и вижу последние экзаменационные оценки: математика, механика, химия — «отлично», физика, электротехника — «хорошо».

— Если бы не начальник, так и осталась бы ни с чем. Специалист-практик — совсем не то, что со специальными знаниями, — говорит Кочетова. — И благодарна я начальнику цеха Евгению Левицкому, что погнал он меня на учебу, следил, как я с ней справляюсь.

Анна Михайловна считает, что ей всегда везло на хороших людей. Три года проработала она с Еленой Михайловной Кочетовой, которая считала, что ей всегда везло на хороших людей. Три года проработала она с Еленой Михайловной Кочетовой, которая считала, что ей всегда везло на хороших людей. Три года проработала она с Еленой Михайловной Кочетовой, которая считала, что ей всегда везло на хороших людей.

ны усталой. Расспросила, выяснила, что таким, как Аня, девочкам тяжело живется в общежитии с более старшими женщинами. У тех нередки шумные гуляния в перенесенной комнате — какой там отдышка. Елена Алексеевна позаботилась подобрать четырем девочкам отдельную комнату: «Живите спокойно и хорошо работайте».

— Ведь на нас, дежурных электромонтеров на пультах управления, большая ответственность лежала, — вспоминает Анна Михайловна, — следить за нагрузкой на генератор, напряжением в сети. Любая промашка, и в каком-то из цехов будет нарушен цикл производства. Можно ли было допустить такое, особенно, когда началась война. Тут уж о всяких графиках и о том, сколько в смене часов, пришлось забыть.

А что оставалось делать, когда мужчины один за другим уходили на войну, а их женский фронт прятался здесь — в цехах и переделах комбината? Не появилась по какой-то причине сменщица (конечно, по самой уважительной, законы тех времен были жесткие), и стой за пультом часов двенадцать, а то и целых две смены. И стояли. Недаром у Анны Михайловны и многих женщин — ветеранов комбината — особая ценная награда — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Правда, Кочетовой на время пришлось оставить службу на комбинате. Вышла замуж, в сорок четвертом родила дочек-двойняшек. С

мужем-офицером помогала по другим городам, но через год после войны вернулась в родной Магнитогорск. А чуть девочке подросли — снова на ЦЭС, за пульт управления. Последние годы перед пенсией постоянно дежурила уже на главном пульте.

Но не одной же работой живет женщина, тем более, если у нее семья. — Я особого образования не получила, — говорила Анна Михайловна своему мужу-фронтовику, — хочу, чтобы наши девочки институты окончили.

Обе дочери окончили педагогический институт. Валентина, получив диплом, преподавала на инфаке английского и французского, а Тамара, закончив с отличием аспирантуру, и сейчас работает в МаГУ, уже вместе с дочерью, кандидатом наук.

Жизнь у меня не скажу, чтобы была легкой, но все же хорошая. Долголетием, как видите, меня судьба не обидела, — улыбается Анна Михайловна. — В восемьдесят три года я воюю еще в саду работала, были силы. Да и теперь, почитай, без нянек обхожусь. Думаю, потому, что без труда себя никогда не мыслила. И сейчас с удовольствием вспоминаю нашу дружную работу на строительстве

ЦЭС, субботники на мартене, на которые шли с песнями, повязав головы красными косынками; горячие смены во время войны. Да, про Кочетову не скажешь, что жизнь свою она прожила кое-как. И потому каждый прожитый год прожато как со спокойствием и достоинством. В конце марта ей исполнился 91 год. Всего вам самого лучшего, здоровья и благополучия, Анна Михайловна!

Нина МОСКОВЕЦ.